[87] *Lenk H.* Zwischen Wissenschaft und Ethik. 1 Aufl., Frankfurt a. M., 1992. S. 66.
[88] *Lenk H.* Pragmatische Vernunft: Philosophie zwischen Wissenschaft und Praxis. Stuttgart, 1979, S. 39.
[89] Ibid. S. 17–18.
[90] Ibid. S. 28.
[91] Ibid. S. 35.
[92] Ibid. S. 24.

КАРЛ ПОППЕР

ИММАНУИЛ КАНТ – ФИЛОСОФ ПРОСВЕЩЕНИЯ

(Памятная речь к 150-летию со дня смерти философа)

150 лет назад в Кёнигсберге – провинциальном прусском городке – умер Иммануил Кант. Здесь он провел все восемьдесят лет своей жизни. Годами он жил в полном уединении. Друзья Канта намеревались скромно предать его земле. Но этот сын ремесленника был похоронен, как король. Когда по городу распространился слух о смерти философа, толпы людей устремились к его дому. В течение многих дней с утра и до позднего вечера сюда съезжались толпы народа. В день похорон все движение в Кёнигсберге было приостановлено. Под звон колоколов всего города за гробом следовала необозримая вереница людей. Как свидетельствуют современники, жители Кёнигсберга никогда не видели такой похоронной процессии.

Что могла бы значить эта многолюдная и стихийная процессия? Едва ли ее можно объяснить лишь славой Канта как великого философа и доброго человека. Мне представляется, что это событие имело глубокий смысл. Я бы осмелился предположить, что тогда, в 1804 году, во времена абсолютной монархии Фридриха Вильгельма III, каждый звон колокола по Канту был отголоском американской и французской революций, отголоском идей 1776 и 1789 годов. Для своих сограждан Кант был символом этих идей и они шли за его гробом в знак благодарности своему учителю за провозглашенные им человеческие права, принципы равенства перед законом, космополитизма, вечного мира на земле и, что, может быть, важнее всего – самоосвобождения посредством знания.

Ростки этих идей были привнесены сюда на континент[1] Англией, в частности книгой Вольтера "Письма из Лондона об англичанах", опубликованной в 1732 году[2]. В этой книге Вольтер противопоставил английскую конституционную форму правления континентальной абсолютной монархии; он сопоставил английскую религиозную терпимость с нетерпимостью римской церкви и систему мира Исаака Ньютона и английский эмпиризм Дж. Локка с догматизмом Ренэ Декарта.

Книга Вольтера была сожжена. Но ее появление знаменовало собой начало философского движения, имеющего всемирно-историче-

ское значение – движения, своеобразный наступательный порыв которого едва ли был понят в Англии, поскольку он не отвечал духу этой страны.

Это движение обычно именуют по-французски "eclaircissement", а по-немецки "Aufkärung" ("Просвещением"). Почти все современные философские и политические движения сводятся прямо или косвенно к нему, поскольку они возникли либо непосредственно из Просвещения, либо из реакции на него романтиков, которые именовали обычно Просвещение "просвещенностью" ("Aufklärerei") или "просветительством" ("Aufkläricht").

Спустя шестьдесят лет после смерти Канта эти изначально английские идеи представлялись самим англичанам как "легкомысленный и претенциозный интеллектуализм". Английское слово "enlightenment" ("просвещение", "просвещенность"), которое использовалось с самого начала для перевода слова "Aufklärung" ("Просвещение") на английский язык, даже еще и сегодня несет на себе отпечаток легкомысленной и претенциозной "просвещенности" ("Aufklärerei").

Кант верил в Просвещение, он был его последним великим поборником. Моя позиция по отношению к Канту расходится с общепринятой на сегодня точкой зрения. В то время как в Канте я вижу последнего поборника Просвещения, большинство считают его основателем школы, которая отрицала Просвещение – это школа романтиков "немецкого идеализма", школа Фихте, Шеллинга и Гегеля. Я утверждаю, что эти две точки зрения несовместимы.

Фихте и поздний Гегель попытались воспользоваться славой Канта; они выдали его за основателя их школы. Но Кант еще при жизни отверг неоднократно предпринимаемые Фихте попытки выдать себя за его последователя и наследника. В своем публичном, мало кому известном "Заявлении по поводу наукоучения Фихте" (7 авг. 1799 г.) Кант писал: "Боже, спаси нас... от наших друзей... бывают и такие так называемые друзья, лживые, коварные, которые стремятся к нашей погибели, хотя при этом и говорят на языке благожелательства; по отношению к ним и их козням надо всегда быть в высшей степени настороже"[3]. Однако после смерти Канта, когда он не мог больше себя защитить, этот гражданин мира был успешно использован националистической школой романтиков, несмотря на все, что́ он говорил и писал против духа романтиков, сентиментального энтузиазма и мечтательности.

Но послушаем, что говорит сам Кант об идее Просвещения: "Просвещение, – пишет он, – это выход человечества из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения"[4]. То, что здесь говорит Кант, является, несомненно, его личным признанием,

его исповедью; это – очерк его собственной истории. Кант, выйдя из нужды, обстановки пуританской строгости, в которых он рос, смело вступил на путь самоосвобождения посредством знания. Спустя много лет он иногда с ужасом вспоминал (как сообщает Хиппель)[5] свою "невольную молодость", годы своего духовного несовершеннолетия. Пожалуй, можно было бы сказать, что путеводной звездой всей его жизни была борьба за свое духовное освобождение.

НЬЮТОНОВСКАЯ НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА И КОСМОЛОГИЯ

Решающую роль в этой борьбе играла физика и небесная механика Ньютона, которые приобрели известность в Европе благодаря Вольтеру. Коперниканская и ньютоновская системы мира оказали очень большое влияние на интеллектуальное развитие Канта. Его первая значительная книга "Всеобщая естественная история и теория неба" имела интересный подзаголовок "Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания, истолкованных сообразно принципам Ньютона"[6]. Эту книгу, по-видимому, можно рассматривать как величайший вызов, брошенный когда-либо космологии и космогонии. Она содержала не просто первую и ясную формулировку теории, обычно именуемой сегодня "кантовско-лапласовской гипотезой о происхождении Солнечной системы", но и ее применение к самой системе Млечного пути (которую за пять лет до этого Томас Райт[7] трактовал как звездную систему). Этим Кант предвосхитил идею Джинса[8], которую, однако, затмила попытка кёнигсбергского философа трактовать звездные туманности как далекие Млечные пути, ближайшие звездные системы, подобные нашей собственной.

В ней (книге "Всеобщая естественная история и теория неба" – *И.Ш.*) по существу была поставлена, как поясняет сам Кант в одном из своих писем[9], космологическая проблема, приведшая его затем к теории познания и "Критике чистого разума" Проблема, которую он пытался решить – ее ни один космолог не мог обойти – это достаточно сложная и запутанная проблема конечности или бесконечности мира в пространстве и времени. Вопрос о конечности или бесконечности мира в пространстве блестяще разрешил Эйнштейн, показав, что мир конечен, но не имеет границ. Эйнштейн тем самым, можно сказать, развязал кантовский узел, основываясь при этом на самом Канте и его современниках. По проблеме конечности или бесконечности мира во времени, напротив, до сих пор нет еще такого ясного решения.

В этом же письме[10] Кант сообщает, что он пришел к центральной проблеме "Критики чистого разума", когда попытался ответить на вопрос: *имеет ли мир начало во времени или нет.* К своему удивлению он открыл, что, по-видимому, обе возможности в равной мере могут быть доказаны. Оба доказательства представляют интерес, и чтобы их понять требуется приложить некоторые усилия.

Рассмотрение первого доказательства мы начнем с анализа понятия бесконечного ряда лет (или дней, или каких-нибудь других одинако-

во равных и конечных интервалов времени). Такой бесконечный ряд постоянно стремится к бесконечности и никогда не завершается. Он никогда не может завершиться: замкнутый или завершенный бесконечный ряд является (для Канта) нелепостью, противоречием в себе. Первое доказательство Кант аргументирует следующим образом: мир должен иметь начало во времени, ибо, в противном случае, в любой данный момент времени бесконечный ряд лет обнаруживается как прошедшее, и потому он должен быть замкнутым и завершенным. Однако это, как мы видели, невозможно, что и требовалось доказать.

Рассмотрение второго доказательства мы начнем с анализа понятия абсолютно пустого времени – времени возникновения мира. Такое пустое время, в котором вообще ничего не существует, должно быть временем, в котором ни одна его часть не отличается от другой его части в их временно́м отношении к вещам или процессам, поскольку последние вообще не существовали. Теперь рассмотрим последний интервал пустого времени – интервал времени, непосредственно предшествовавший началу мира: тогда очевидно, что этот интервал времени отличается от всех предшествующих тем, что он непосредственно связан с таким явлением, как возникновение мира. Однако, как мы видели, этот же самый интервал времени – пуст, это значит, что он никак не может быть связан с каким-либо явлением или процессом. Следовательно, этот последний интервал пустого времени является нелепостью, противоречием в себе. Второе доказательство Кант аргументирует следующим образом: мир не может иметь начала во времени, ибо, в противном случае, должен был бы существовать интервал времени, – интервал, непосредственно предшествующий возникновению мира, – одновременно и пустой, и тесно связанный с каким-то событием в мире. Однако это, как мы видели, невозможно, что и требовалось доказать.

Здесь мы имеем противоречие между двумя доказательствами. Кант назвал такого рода противоречие "антиномией"; аналогичным образом он доказывает и другие антиномии, например антиномию о конечности или бесконечности мира в пространстве. Однако я не буду здесь в них вдаваться.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Чему могут нас научить, спрашивал Кант, эти, сбивающие нас с толку, антиномии? Его ответ гласит: наши представления о пространстве и времени неприменимы к миру как целому. Представления о пространстве и времени применимы, разумеется, к обычным физическим вещам и событиям. Но сами пространство и время не являются ни вещами, ни событиями. Они не могут наблюдаться, по природе своей они совершенно иного характера. Скорее всего они ограничивают собой определенным способом вещи и события, их можно сравнить с системой предметов или с системным каталогом для упорядочивания наблюдений. Пространство и время относятся не к действительному эмпирическому миру вещей и событий, а к нашему собственному духовному арсеналу. духовному инструменту, с помощью которого мы постигаем мир. Про-

странство и время функционируют подобно инструментам наблюдения. Когда мы наблюдаем определенный процесс или событие, мы его локализуем, как правило, непосредственно и интуитивно в пространственно-временную структуру. Поэтому мы можем характеризовать пространство и время как структурную (упорядоченную) систему, основанную не на опыте, а используемую в любом опыте и применимую ко всякому опыту. Но такой подход к пространству и времени сопряжен с определенной трудностью, если мы пытаемся применить его к области, выходящей за рамки всякого возможного опыта; примером тому служат наши два доказательства начала мира.

Теории, которую я здесь изложил, Кант дал неудачное и вдвойне ошибочное название "трансцендентальный идеализм". Вскоре он сожалел о своем выборе, так как оно послужило поводом для некоторых его читателей считать Канта идеалистом и поверить в то, что он отверг якобы реальность физических вещей, выдавая их за чистые представления или идеи. Тщетно Кант пытался разъяснить, что он отверг лишь эмпирический характер и реальность пространства и времени – эмпирический характер и реальность такого рода, которые мы приписываем физическим вещам и процессам. Но все его усилия уточнить свою позицию оказались напрасными. Трудность кантовского стиля решила его судьбу; тем самым он был обречен войти в историю как родоначальник "немецкого идеализма". Сейчас как раз пришло время пересмотреть эту оценку. Кант всегда подчеркивал, что физические вещи д е й с т в и т е л ь н ы в пространстве и времени – реальны, а не идеальны. А что касается несуразных метафизических спекуляций школы "немецкого идеализма", то избранное Кантом название "Критика чистого разума" возвещало о его критическом наступлении на такого рода спекуляции. Критике подвергается чистый разум, в частности априорные "чистые" выводы разума о мире, не следующие из чувственного опыта и не проверяемые наблюдениями. Кант критикует "чистый разум", показывая тем самым, что чисто спекулятивное, не осуществляемое на основе наблюдений, рассуждение о мире должно приводить нас всегда к антиномиям. Кант писал свою "Критику...", сложившуюся под влиянием Юма, с целью показать, что границы возможного чувственного мира совпадают с границами разумного теоретизирования о мире.

Подтверждение правильности этой теории он посчитал найденным, когда обнаружил, что она содержит ключ ко второй важной проблеме – проблеме значимости ньютоновской физики. Как и все физики того времени, Кант был совершенно убежден в истинности и неоспоримости ньютоновской теории. Он полагал, что данная теория не может быть лишь результатом накопленных наблюдений. Что все-таки могло служить основанием ее истинности? Для решения этой проблемы Кант исследовал прежде всего основания истинности геометрии. Евклидова геометрия, говорил он, зиждется не на наблюдениях, а на нашей пространственной интуиции, на нашем интуитивном понимании пространственных отношений[11]. Аналогичная же ситуация имеет место и в ньютоновской физике. Последняя хотя и подтверждается наблюдениями, но тем не менее она есть результат не наблюдений, а наших собствен-

ных методов мышления, которыми мы пользуемся, чтобы упорядочить, связать, понять наши ощущения. Не факты, не ощущения, а наш собственный рассудок – вся система нашего духовного опыта – ответствен за наши естественнонаучные теории. Познаваемая нами природа с ее порядком и законами есть результат упорядочивающей деятельности нашего духа. Кант сформулировал эту идею так: "Рассудок не черпает свои законы *a priori* из природы, а предписывает их ей"[12].

"КОПЕРНИКАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ" КАНТА

Эта формулировка выражает собой одновременно и идею, которую сам Кант с гордостью назвал своим "коперниканским переворотом". Он писал: "... когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движение небесных тел, то он (Коперник. – *И.Ш.*) попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя"[13]. Кант аналогичным "переворотом" попытался решить проблему оснований истинности естествознания, точнее, проблему как возможна точная естественная наука типа ньютоновской физики. Он допускал, что такое решение со временем будет найдено. Мы должны, говорит Кант, отказаться от идеи, что остаемся пассивными созерцателями, ожидающими, что природа навязывает нам свои законы. Вместо этого мы должны выдвинуть идею, что мы, созерцатели, навязываем нашим чувствам, ощущениям порядок и законы нашего рассудка[14]. Наш космос несет на себе печать нашего духа.

Это указание Канта на активную роль наблюдателя, исследователя и теоретика наложило свой отпечаток не только на философию, но и на физику и космологию. В этом смысле можно говорить о неком интеллектуальном кантовском климате, вне которого немыслимы теории Эйнштейна или Бора, а Эддингтон в этом отношении был, пожалуй, так можно сказать, более кантианцем, чем сам Кант. Даже те, кто не любит во всем следовать Канту (к их числу я отношу и себя), вынуждены согласиться с ним в том, что разум исследователя "должен заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу"[15]. Исследователь должен брать природу "измором", силой, чтобы увидеть ее в свете своих сомнений, предположений, идей и побуждений. Я считаю такой подход в высшей степени философским. Он позволяет рассматривать естествознание (не только теоретическое, но и экспериментальное) как подлинное человеческое творение и излагать его историю, подобно истории искусства и литературы, как часть истории идей.

Но "коперниканский переворот" Канта несет в себе и другой смысл, указывающий нам на противоречивость (двойственность) кантовской позиции. Этот переворот разрешает в определенном смысле проблему человека, которая была поставлена самим Коперником: Коперник отнял у человечества его центральное место в мире. "Коперниканский переворот" Канта – *восстановление* этой позиции, так как великий кёнигсбергец не только доказал, что наше пространственное положение в мире несущественно, но и показал, что в опреде-

ленном смысле наш мир вращается вокруг нас, что мы – те, кто, по меньшей мере отчасти, создает открываемый нами в мире порядок. Мы – те, кто творит наше знание о мире. Мы – те, кто исследует мир, а исследование – это творчество, искусство.

КОПЕРНИКАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ЭТИКЕ

Теперь от Канта-космолога, гносеолога и философа науки обратимся к Канту – философу морали. Я точно не знаю, не указывал ли уже раньше кто-нибудь на то, что основная идея кантовской этики также зиждется на коперниканском перевороте, описанном мною выше. Кант сделал человека законодателем морали таким же самым образом, каким он сделал его законодателем природы. Благодаря этому перевороту человек стал занимать у него такое же центральное место в нравственном мире, какое до этого он занимал в мире физическом. Кант очеловечил этику, равно как и очеловечил науку.

УЧЕНИЕ ОБ АНТИНОМИЯХ

Коперниканский переворот Канта в этике содержится в его учении об антиномиях, в котором он говорит, что нам не следует никогда слепо повиноваться требованиям авторитета, слепо подчиняться сверхчеловеческому авторитету как законодателю морали. Если мы не повинуемся требованию авторитета, то в таком случае берем на себя ответственность решать, является ли это требование нравственным или нет. Авторитет может иметь возможность осуществлять свои требования, не встречая при этом никакого сопротивления с нашей стороны; но если у нас есть фактически возможность выбирать наш способ поведения, тогда вся ответственность ложится на нас. Решение зависит от нас; от нас зависит повиноваться требованиям или нет, признавать или отвергать авторитет.

Та же самая идея смело проводится Кантом и в области религии. Он пишет: "Звучит хотя и сомнительно, но отнюдь не предосудительно, когда говорят, что каждый человек сам себе с о з д а е т б о г а, и по моральным понятиям... даже обязан его создавать, чтобы уважать в нем того, кто с о з д а л е г о с а м о г о. Ибо какими бы способами некая сущность ни была изучена и описана другим как бог и даже, быть может... являлась ему самому – все же подобное представление он должен прежде всего согласовать со своим идеалом, чтобы решить, имеет ли он право считать и почитать эту сущность как божество"[16].

НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Этика Канта не ограничивается лишь положением о том, что совесть человека остается его единственным авторитетом. Больше того, он пытается также установить, что может требовать от нас наша совесть. Кант дает различные формулировки нравственного закона. Одна из них гласит: "Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству

и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству"[17]. Дух кантовской этики можно, пожалуй, обобщенно выразить так: поступай так, чтобы сохранять свою свободу, и уважай, и защищай свободу других.

На основе этой этики Кант строит свое учение о государстве и всемирно-гражданском праве. Он ратовал за союз народов, "федерализм свободных государств", чтобы на их основе утвердить и сохранить мир на земле.

КАНТ И СОКРАТ

Я попытался обрисовать в нескольких штрихах кантовскую философию мира и человека с ее двумя основополагающими идеями: ньютоновской космологии и этики свободы; идеями, о которых так прекрасно выразился сам Кант в словах (нередко ошибочно понимаемых) о звездном небе над нами и нравственном законе в нас[18].

Чтобы определить в общих чертах место Канта в истории, бросим взгляд в прошлое. Мы можем сравнить его, пожалуй, лишь с Сократом. Оба обвинялись в покушении на государственную религию и в развращении молодежи. Оба считали себя невиновными и оба боролись за свободу мысли. Свобода для них значила нечто большее, чем просто отсутствие насилия: свобода для них была единственно достойным образом жизни.

Оправдательную речь и смерть Сократа можно рассматривать как воплощение идеи свободного человека в живую реальность. Сократ был свободным, потому что был свободным его дух; он (Сократ. – *И.Ш.*) был свободным, потому что сознавал, что ему ничто не может навредить. Этой сократовской идее свободного человека, хорошо прижившейся на нашем Западе, Кант придал новый смысл в сфере как знания, так и этики. Он развил ее в идею общества свободных людей – в идею гражданского общества (einer Gesellschaft aller Menschen). Кант показал, что каждый человек свободен: *не* потому, что он рождается свободным, а потому, что он рождается уже обремененным – обремененным ответственностью за свободу своего решения.

[1] Имеется в виду Западная Европа.

[2] Эта работа была опубликована в Лондоне на английском языке под названием "Письма об англичанах" (1733), во французском издании, содержащем важное дополнение в виде критических «Замечаний на "Мысли" Б. Паскаля» Вольтер изменил заглавие книги на "Философские письма" (1734).

[3] *Кант И.* Заявление по поводу наукоучения Фихте // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1989. С. 626.

[4] *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 27.

[5] *Хиппель Теодор Готлиб* (Hippel Theodor Gottlieb) 1741–1776, немецкий писатель, друг И. Канта, пропагандировал его философские идеи. Здесь Поппер имеет в виду роман Хиппеля "Жизненные пути по восходящей линии" (В 3 т. 1778–1781). См.: *Hippel Th.G.* Lebensläufe nach aufsteigender Linie. Leipzig, 1859.

[6] См.: *Кант И.* Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Соч. М., Мысль, 1963. Т. 1.

[7] *Райт Томас* (Wright Thomas) 1711–1786 – английский астроном. Выдвинул гипотезу (1750) о том, что Млечный путь – обособленная сплюснутая звездная система и что должны существовать и другие подобные системы.

[8] *Джинс Джеймс Хопвуд* (Jehns James Hopwood) 1877–1946 – английский математик, физик и астроном. Поппер имеет в виду космогоническую гипотезу Джинса об образовании планетной системы из струи вещества, вырванной из Солнца притяжением пролетавшей мимо звезды. Эта гипотеза была частью его более общей гипотезы, в которой он пытался объяснить образование галактик из "первичного хаоса", звезд – из галактического газа, планет – из звезд. Космогоническая гипотеза Джинса получила широкое распространение в 20–30-х годах XX в.

[9] См.: Kants gesammelte Schriften. B., 1902. Bd. 12. Kants Briefwechsel. Bd. 3. (1795–1803). S. 254–255. (Рус. пер.: Письмо Канта–Гарве от 21 сент. 1798 г. // Кант И. Трактаты и письма. С. 616–617.

[10] Там же.

[11] См.: *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Соч. М., 1964. Т. 2. С. 404; *Кант И.* Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма. С. 331.

[12] *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике... // Кант И. Соч. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 140.

[13] *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. М., 1964. Т. 3. С. 87.

[14] Там же. С. 85–88.

[15] Там же. С. 85.

[16] *Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. С. 241.

[17] *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1. С. 270.

[18] Здесь Поппер неточно передает эту кантовскую мысль. Та же самая ошибка допущена и в русском переводе. См.: *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1. С. 499. В оригинале: "... звездное небо надо мной и нравственный закон во мне". См.: Kants gesammelte Schriften. B., 1908. Bd. 5. Kritik der praktischen Vernunft. S. 161.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ТРАКТАТА ШЕЛЛИНГА

П.В. Резвых

"Философия и религия" занимает особое место в творческом наследии Шеллинга. В этом небольшом трактате, написанном в 1804 г., впервые осуществляется критика так называемой философии тождества, разработке которой Шеллинг посвятил предшествующие несколько лет, что знаменует начало кардинального поворота в его философском развитии. Непосредственным поводом к написанию работы послужили выпады К.А. Эшенмайера против основных положений шеллинговского диалога "Бруно, или О божественном и природном начале вещей", однако проблематика ее гораздо шире, чем можно ожидать от полемического сочинения. В небольшом, но очень емком и тщательно продуман-